

Одним из первых в новом году свой юбилей отметит патриарх ленинградской — петербургской дирижерской школы Илья Александрович Мусин. 6 января ему исполнится 95 лет. Более 60 лет профессор преподает в нашей Консерватории. Среди его учеников — дирижеры, составившие славу российского исполнительского искусства: Константин Симеонов и Одиссей Димитриади, Юрий Темирканов и Валерий Гергиев, Василий Синайский и Владислав Чернушенко. Несмотря на почтенный возраст, Илья Александрович полон творческих планов. Он не только учит дирижировать, но и дирижирует сам. 29 ноября маэстро аплодировал Большой зал Филармонии. А 3 января в Мариинском театре состоится юбилейный вечер Мусина, и за дирижерский пульт встанут многие его именитые выпускники.

Илья
Мусин:
легче,

Дирижировать чем учить

половиной года, а потом мой профессор Николай Андреевич Малько порекомендовал меня на место педагога в Центральный музыкальный техникум: я получил оркестровый класс и 45 учеников-дирижеров. И вот тут я понял, что сам умею дирижировать, но как преподавать — не знаю, потому что тогда в нашем дирижерском классе такой методики, которая сейчас есть, не существовало. Мы дирижировали каждый по 6 — 7 минут под рояль, потом Малько делал замечания, и на этом урок заканчивался.

С началом работы началась и моя педагогическая учеба. В 1930-м я закончил Консерваторию, а в 1931-м меня пригласили туда преподавать на открывшийся рабфак, где из рабочих пытались сделать музыкантов, в частности даже дирижеров. А в 1932-м я стал вторым педагогом в Консерватории — первым был Гаук. Через год Гаук уехал в Москву, и мне передал весь его класс, который я потом поделил с Сергеем Ельциным. Среди дирижеров моего первого выпуска, который состоялся в 1936-м, — Константин Симеонов, бывший потом главным дирижером Кировского театра, и Одиссей Димитриади.

С 1932 года я дирижировал в Филармонии, а с 1934-го вместе с Мравинским был ассистентом

главного дирижера Фрица Штидри. Потом я работал в Минске. Когда началась война, я с семьей прошел пешком почти 500 километров по Белоруссии и попал в Воронеж. Находящаяся в эвакуации Консерватория меня выписала в Ташкент, и с тех пор я из Консерватории никуда не уходил. В Ташкенте я проработал третьим исполнением "Ленинградской симфонии" Шостаковича — после Самосуда и Позовского.

Во время войны я начал писать книжку по технике дирижирования, но она вышла в свет только в 60-х. Спустя двадцать лет вышла вторая книжка — "О воспитании дирижера", а года три-четыре назад третья — "Уроки жизни". Мои ученики есть во всех частях света — в Америке, Англии, Болгарии, Корее, Германии, Греции, Японии. Несколько из них имеют мировую известность — Темирканов, Гергиев, Синайский, Кац, в Москве — Чистяков, Карапетян, Коган. В Мариинском театре сейчас пять моих учеников, есть в Театре Мусоргского, в "Зазеркалье". Так что я могу сказать, что не зря прожил жизнь. Я рад успехам своих учеников и считаю, что это и мой успех.

— А чему вообще можно научить, чему — нельзя?

— Искусству нельзя научить, искусству можно только научить-

ся. Английская поговорка гласит: "Где есть желание, там есть и умение".

Можно научить, если есть какие-то способности, задатки. Тогда их можно развивать. А если ничего нет — тогда нельзя. Чтобы играть на музыкальном инструменте, помимо способностей нужно много работать, и работать всю жизнь. Дирижирование, в отличие от исполнительства, считается очень легким делом. И композиторы, которые никогда этому не учились, часто сами дирижируют своими сочинениями, но — плохо. Потому что как показывать темп — проработать "на три" или "на четыре", — я могу научить каждую уборщицу, это не трудно. Но быть настоящим мастером дирижерского искусства очень трудно, и если мы будем вспоминать действительно великих дирижеров, то их окажется значительно меньше, чем хороших певцов, скрипачей, пианистов. Нужно, чтобы человек не только был хорошим музыкантом, но и понимал, что он должен выполнять, будучи дирижером, свои функции. Обучать нужно таким образом, чтобы дать человеку установку — как ему нужно работать всю жизнь. Поэтому легче самому дирижировать, чем учить.

Юлия БРОЙДО

Фото Виктора ВАСИЛЬЕВА

— Илья Александрович, как вы стали дирижером?

— Я с детства занимался рисованием (все картины, которые висят в моей квартире, мои), а к музыке не имел никакого отношения. Я родился в Костроме и до шестнадцати лет не слышал симфонического оркестра, не знал, что такое симфонии Бетховена, Моцарта, Чайковского; кроме песен, которые пели кухарки на дворе, я ничего не слышал. Хотя отец очень хотел, чтобы я стал музыкантом. Когда я наконец начал заниматься на фортепиано, мне было уже лет одиннадцать. Однажды в исполнении кого-то из моих соучеников я услышал первые такты из вступления к "Евгению

Онегину", и эта музыка настолько меня поразила, что я уже на следующий день бегал по городу и искал, где можно достать клавиш "Онегина". После этого я сказал отцу, что согласен поступать в Консерваторию — в петербургскую.

И в 1919 году — мне было 16 лет — первый раз один поехал в Петроград, который тогда был чуть ли не на осадном положении: к городу подходили войска Юденича. Я поступил в Консерваторию и начал заниматься как пианист. И я обязательно стал бы очень посредственным пианистом, но помог несчастный случай: занимаясь в неотапливаемом помещении, я себе испортил руку, и о пи-

нистической карьере уже нельзя было и думать. Тогда я вспомнил о своей мечте — стать дирижером. Я начал дирижировать самодеятельным оркестром, и через год, когда я снова поступал в Консерваторию, уже кое-что умел. Сам научился. Потому что со дня открытия Филармонии — в 1920-м — я ходил на все репетиции знаменитых дирижеров Клемперера, Абендрота.

Со второго курса Консерватории мне предложили место дирижера и пианиста в БДТ. И я стал там дирижировать — три-четыре раза в неделю, а оркестр в театре был хороший, концертмейстером был Карл Ильич Элиасберг. Я проработал в БДТ два с

Вечерний Петербург — 31 дек. 1998 — (N238) с. 4